

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ СКАЗ В «ПОВЕСТИ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» Н. В. ГОГОЛЯ

© *Колмакова Оксана Анатольевна*

доктор филологических наук, доцент, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: post-oxugen@mail.ru

© *Ван Чжуаньчу*

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: msdevine@126.com

В статье рассматривается повествовательная организация гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Основу нарративной стратегии в данном произведении составляет орнаментальный сказ. Если для классического типа сказового повествования – характерного сказа – типично изображение мировоззрения и психологии рассказчика, то приоритетным для орнаментального сказа является игровое начало. Безличный рассказчик в орнаментальном сказе становится точкой пересечения разнородных словесных «жестов» и стилистических миров. На материале повести Н. В. Гоголя авторы статьи подробно анализируют сказовые приемы, создающие общую для текста установку на игровую самооценку слова. Заключается, что в основе игровой поэтики Гоголя лежит апелляция к экзистенциальному сознанию, формирующему трагедийность авторского восприятия реальности.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», орнаментальный сказ, стиль, повествователь.

По определению, данному В. Шмидом, орнаментальный сказ представляет собой «гибридное явление, основывающееся на парадоксальном совмещении исключаящих друг друга принципов характерности и поэтичности. От собственно сказа сохраняются устное начало, следы разговорности и жесты личного рассказчика, но все эти характерологические

черты отсылают не к единому образу нарратора, а к целой гамме разнообразных голосов, не совмещающихся в единство личности и психологии. Орнаментальный сказ многолик, постоянно колеблется между началами устности и письменности, разговорности и поэтичности, книжности и фольклорности» [3, с. 193].

По нашему мнению, специфика орнаментального сказа Н. В. Гоголя заключается в том, что его нарратору присуще мифологическое сознание. Особенностью мифологического сознания, как известно, является своеобразная логика, подразумевающая нерасчлененность субъекта и объекта, предмета и знака, существа и его имени. Носитель мифологического сознания устанавливает мнимые связи между различными явлениями. Поэтому в орнаментальном сказе слово «становится материальным образом своего значения» [3, с. 264]. Орнаментальное слово значимо само по себе; его звуковая оболочка может стать тематическим элементом, а словесная фигура – целой сюжетной формулой. Нужно отметить, что данное явление не было чужеродным для русской литературы XIX века, поскольку в генезисе своем опиралось на стиль «плетения словес».

В статье «Как сделана „Шинель" Гоголя» Б. М. Эйхенбаум подробно исследует гоголевский орнаментальный сказ, называя его «воспроизводящим». В отличие от характерного сказа («повествующего», по терминологии Эйхенбаума) орнаментальное сказовое повествование «вводит приемы словесной мимики и жеста, изобретая особые комические артикуляции, звуковые каламбуры, прихотливые синтаксические расположения и т. д.» [4, с. 172]. Первый тип сказа «производит впечатление ровной речи; за вторым часто как бы скрывается актер, так что сказ приобретает характер игры, и композиция определяется <...> системой разнообразных мимико-артикуляционных жестов» [4, с. 172].

Если в статье Б. М. Эйхенбаума акцент сделан на исследовании приемов, превращающих примитивный фабульный материал в орнаментальную прозу, то В. В. Виноградов в работе «Этюды о стиле Гоголя» выявляет в орнаментальном повествовании те черты, которые сближают его с классическим характерным сказом. Анализируя гоголевские «дефектно-речевые построения», обмолвки, прием тавтологических нагромождений и другие типы «нелепостей» в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», Виноградов приходит к выводу о том, что ведущей повествовательной тенденцией здесь является «старческая болтовня» [1, с. 291]. То есть повествовательная маска в «Повести о ссоре» отчасти близка образу «пасичника» Рудого Панька, «автора» «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Опираясь на методологию, сформулированную в работах Б. М. Эйхенбаума и В. В. Виноградова, охарактеризуем орнаментальный сказ в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Итак, в орнаментальном сказе смешиваются противоположные семантико-стилистические тенденции: устность, спонтанность, разговорность и

диалогичность характерного сказа и приемы поэтической речи – звукопись, наличие лейтмотивов, ритмизация и др. При этом в роли нарратора выступает не персонаж-характер, а система повествовательных масок.

Устность, спонтанность и разговорность обнаруживают себя в повести в стилизации «болтовни». Как пишет Виноградов, гоголевский «сказ организуется путем постоянного перерезывания той сюжетной линии, которая в заглавии определяется как основная, побочными эпизодами <...> Получается такая схема: начинается сказ о центральном герое – иллюзия традиционного зачина, но внезапно – скачковыми движениями – отклоняется в сторону случайно прицепленных эпизодов и деталей; далее они как бы отсекаются, зачеркиваются, вновь повторяется зачин, и снова отбрасывается ради вводных «философий и художеств». Словом, перед нами имитация той композиции, в которую укладывается “околесная” речь» [1, с. 247].

Околесица стилизована ненужными и нелепыми подробностями типа обращения к читателям: «Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя» и др. Болтовня и фамильярность гоголевского повествования создают иллюзию действительной истории.

Диалогичность гоголевского орнаментального сказа проявляется в стилизации манеры говорить с читателем как со «своим человеком». Как отмечает Виноградов, в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» сделан последний шаг по пути сближения с читателем в пределах семейно-фамильярного речеведения» [1, с. 264]. «Предельная ступень интимно-дружеской близости рассказчика и слушателей» проявляется в приеме называния героев по имени и отчеству без упоминания фамилии: «Позвольте, я перечту всех, которые были там (на «ассамблее» у городничего). Тарас Тарасович, Евпл Акинфович, Евтихий Евтихиевич, Иван Иванович, не тот Иван Иванович, а другой, Савва Гаврилович, наш Иван Иванович, Елевферий Елевфериевич, Макар Назарьевич, Фома Григорьевич...» [2, Т. 1, с. 369-370].

В орнаментальном сказе Гоголя стилеобразующим приемом является мимико-артикуляционный жест – своего рода семантическая аномалия, созданная различными языковыми средствами: фонетическими, лексическими, синтаксическими, интонационными и стилистическими.

Примерами звукового жеста могут стать симметрично-тавтологичные сочетания «Иван Иванович – Демьян Демьянович» («Я, Демьян Демьянович, – говорил Иван Иванович...»). Даже простое перечисление собственных имен гоголевских персонажей вызывает комический эффект, что опять-таки указывает на звуковой жест: Дорош Тарасович Пухивочка, Иван Никифорович Довгочхун, Иван Иванович Перерепенко, Антон Прокофьевич Голопузь и др.

Мимико-артикуляционный жест, основанный на игре с этимологией слова, становится источником гоголевских каламбуров. Например, «пока-

зал на лице своем ту равнодушную и *дьявольски* двусмысленную мину, которую принимает один только *сатана...*».

Жестом являются и такие словосочетания и предложения, которые лишены логики, но по выражению Эйхенбаума, «замаскированы» строго-логическим синтаксисом, что производит впечатление произвольности каламбура. Приведем примеры из «Повести о ссоре»: «У Гапки есть дети и бегают часто по двору»; «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках...»; «Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот»; «Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя проговаривали, что он женился, но это совершенная ложь... Откуда выходят все эти сплетни? Так, как пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назад» [2, Т. 1, с. 342].

В качестве одного из примеров интонационного жеста можно привести следующий эпизод: «О, если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит весь Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звезды; как видимая тишина оглашается близким и далеким лаем собак; как мимо их несется влюбленный пономарь и перелазит через плетень с рыцарскою бесстрашностью; как белые стены домов, охваченные лунным светом, становятся белее, осеняющие их деревья темнее, тень от дерев ложится чернее, цветы и умолкнувшая трава душистее, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно со всех углов заводят свои трескучие песни. Я бы изобразил, как в одном из этих низеньких глиняных домиков разметававшейся на одинокой постели чернобровой горожанке с дрожащими молодыми грудями снится гусарский ус и шпоры, а свет луны смеется на ее щеках. Я бы изобразил, как по белой дороге мелькает черная тень летучей мыши, садящейся на белые трубы домов... *Но вряд ли бы я мог изобразить Ивана Ивановича, вышедшего в эту ночь с пилою в руке...*» [2, Т. 1, с. 354]. Последнее предложение представляет собой неожиданное разрешение романтически-торжественной интонации прозаическим описанием злоумышленника Ивана Ивановича, идущего уничтожать столь ненавистный ему гусиный хлев соседа.

Жестом стилевого уровня у Гоголя становится игра повествовательными масками. Очевидно, что несмотря на наличие в «Повести о ссоре» определяющих признаков характерного сказа, повествование в ней не может быть отнесено к данному типу, поскольку за сказом здесь стоит не рассказчик-характер, а система различных масок: от недалекого обывателя до ироничного философа. По меткой характеристике Б. М. Эйхенбаума, в гоголевском повествовании «в виде режиссера и настоящего героя царит веселящийся и играющий дух самого художника» [4, с. 175]. Установкой на стилевую игру в «Повести о ссоре» объясняются неожиданные афористические сентенции типа «Народ ныне стал хитрый и ловкий!» и знаменитая финальная фраза «Скучно на этом свете, господа!», в которой сквозит трагическое мироощущение.

Нужно отметить, что Гоголь обращается к «игровой поэтике» орнаментального сказа не только ради демонстрации возможностей языка художественной прозы. Абсурдный язык есть выразитель авторского мироощущения – восприятия мира, близкого к экзистенциальному. Надевая маску субъекта, совпадающего по уровню речевого поведения и сознания с героем, повествователь сближается с ним и обнаруживает глубоко драматическую и даже трагическую сущность его абсурдной, примитивной и комичной жизни.

Итак, возможности орнаментального сказа позволили Н. В. Гоголю создать новую парадигму художественности, характеризующуюся отказом от реалистического эмпиризма в изображении действительности, событийности повествовательного текста и психологического правдоподобия образа-характера. Художественное сознание Гоголя-орнаменталиста во многом определит мировоззренческие основы русского модернистского искусства рубежа XIX–XX вв.

Литература

1. Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 228-366.
2. Гоголь Н. В. Избранные сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.
3. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
4. Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. – Л.: Academia, 1924. – С. 171-195.

References

1. Vinogradov V. V. *Etiudy o stile Gogolia* [Essays on the Gogol's style] // Vinogradov V. V. *Poetika russkoi literatury* [Poetics of Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1976. Pp. 228-366.
2. Gogol N. V. *Izbrannye sochineniia. V 2-kh t.* [Selected works. In 2 vol.] Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1984.
3. Schmid V. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow: Yasyki slavianskoi kultury Publ., 2003. 312 p.
4. Eichenbaum B. M. *Kaksdelana «Shinel'» Gogolia* [How to make «The Overcoat» by N. V. Gogol] // Eichenbaum B. M. *Skvoz' literaturu* [Through literature]. Leningrad: Academia Publ., 1924. Pp. 171-195.

ORNAMENTAL SKAZ in «THE STORY OF HOW IVAN IVANOVICH QUARRELED WITH IVAN NIKIFOROVICH» by N. V. GOGOL

Oksana A. Kolmakova

DScin Philology, A/Professor, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

Van Chzhuanchu

research assistant, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article discusses the narrative organization of N. V. Gogol's «The story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich». The basis of the narrative strategies in this work is an ornamental skaz. Character skaz, the classical type of skaz-narration, a typical image of philosophy and psychology of the narrator are represented; ornamental skaz is focused on the playing poetic. The impersonal narrator becomes a point of intersection of dissimilar word «gestures» and stylistic worlds in ornamental skaz. On a material of N. V. Gogol's story the authors analyze the skaz-receptions, which are creating the installation on playing word's value in itself. It is concluded, that the basis of the Gogol's playing poetics is an appeal to the existential consciousness, form the tragedy of the author's perception of reality.

Keywords: N. V. Gogol, «The story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich», ornamental skaz, style, narrator.